

2.16. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ ЕДИНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (XIX ВЕК)

Хачидогов Руслан Асланович. Должность: преподаватель. Место работы: Северо-Кавказский институт повышения квалификации. Филиал: филиал Краснодарского университета МВД России. Подразделение: кафедра огневой подготовки. E-mail: mashekuasheva@mail.ru

Аннотация: В статье на основе архивных и научных материалов анализируется государственная политика по конструированию цельного экономического, геостратегического и социокультурного пространства в Северокавказском крае. В ней повествуется о способах управления краем царской администрацией, происходящим либо мирными воздействиями - в опоре на местные элиты или военными методами - в случае неповиновения государственной власти. Делаются выводы о том, что политика с применением силы здесь всегда была неэффективной, так как главная задача, состоящая в преодолении этнокультурного отдаления и воспрепятствование воспроизведения этнических границ - являлась недостижимой. Ненасильственные меры, настроенные на культурное уподобление, оказались более приемлемы для населения и потому имели обоюдный положительный итог.

Ключевые слова: Северокавказский регион, пророссийская ориентация, административно-территориальный ранжир, геостратегические границы, социокультурное устройство, экономическая целесообразность, просветительская политика.

THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE FOR THE DESIGN OF A UNIFIED GEOPOLITICAL, ECONOMIC AND SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE NORTH CAUCASUS (19TH CENTURY)

Khachidogov Ruslan Aslanovich. Position: lecturer. Place of employment: North-Caucasian advanced training Institute Branch: Krasnodar University of MIA Russia branch. E-mail: mashekuasheva@mail.ru

Annotation: The article based on archival and research materials analyzed public policy design a comprehensive economic, geostrategic and socio-cultural space in the North Caucasus region. It tells about the methods of administration of the Royal authority, occurring either by peaceful means - in support of the local elite or military means - in the case of disobedience of the government. The conclusions that policy by the use of force has always been ineffective as the main task, consisting in overcoming ethnic and cultural separation and to prevent the reproduction of ethnic boundaries - was unattainable. Non-violent action configured to cultural assimilation, it was more acceptable to the public and therefore had a mutual positive outcome.

Keywords: North Caucasus, Russia-oriented administrative-territorial formation, geopolitical boundaries, socio-cultural system, economic viability, educational policy.

Введение. Северокавказский край изначально занимал выгодное геополитическое положение, вследствие чего он являлся рубежом межэтнических миграций и социокультурных контактов. Введение его под протекторат России почти не изменили его модальности, однако уже дальнейшее развитие межэтнических и административных границ этого обширного региона проходит при непосредственном управлении империи.

Анализ отдельных периодов изучения Северокавказского края показывает, что укрепление пророссийской ориентации здесь представлялось статусным восприятием тех или иных горских этносов, а их миграционные потоки зависели от территориальных установлений между Россией и Крымом до 1783 года и между Россией и Турцией до 1829 года.

Обсуждение. Административно-территориальный ранжир происходил двояко: мирными способами - в опоре на местные элиты или военными методами - в случае неповиновения государственной власти. Причем пределы новоэтнических образований зачастую не совпадали с границами ранее существовавших, так как устраивались в зависимости от местоположения казачьего населения и вероятности военного контроля. Последующий союз казаков, черкесов, абазин, ногайцев и карачаевцев был продиктован управленческой необходимостью и геостратегическими границами [10. 145-151]. В результате всех этих трансформаций северокавказские этносы смогли сохранить свою ментальность, территорию и культуру.

Большинство северокавказских этносов к началу их вхождения в систему Российской державы не обладало собственными государственными моделями устройства. Они являли собой топические общества. Поэтому государственная политика в крае была обращена на слияние горцев с империей посредством введения общих принципов правления и системой образования. Однако приобщение к правилам «большого общества» у горских народов не случилось. Как справедливо отмечает профессор Н.О.Блейх, «это было обусловлено несовершенностью государственной системы управления, которая мало отвечала требованиям социокультурной жизни народов края. И пока Россия не переходила к покорению северокавказского региона силой оружия, колонизации его территории, до тех пор горские владетели не искали общие точки соприкосновения с империей и пути для этого слияния» [3. 03-06].

Трансформация горской аристократии к учреждению «большого общества» определялась потребностью сохранения самобытной социокультурной организации бытия. Имперская администрация в начале пошла не по пути вхождения элиты горского общества в дворянскую касту России, а избрала методы дестабилизации её могущества на её же наследственных анклавах (изгнание с насиженных земель, перетягивание крестьян, снижение престижности у соседних этносов и др.). Реакцией на это стало желание феодалов к консолидации и устройстве такого политического уклада, который бы отвечал вопросам сбережения социокультурных взглядов аборигенного населения. Однако у большинства крестьян эта идея не пользовалась поддержкой, ибо они не видели надобности в появлении собственных моделей политического союза. Об этом

факте наглядно свидетельствует и огромное число беглых селян, находящихся в русских бастионах [5. 103].

Как видим, особенного «большого общества» многочисленными этносы северокавказского края в данный период не сформировали, да и в сегменте империи эта задача оказалась трудноразрешимой. Но если в этом ракурсе анализировать российскую политику, то можно увидеть её обратный эффект. Общеадминистративный интердикт на деятельность традиционных общественных институтов – семейных организаций, правовых установлений и т.д. – только увеличивал ценностную позицию к ним. История эволюции региона на многочисленных примерах наглядно показала, что политика с применением силы здесь всегда была неэффективной, так как главная задача, состоящая в преодолении этнокультурного отдаления и воспрепятствование воспроизведению этнических границ – являлась недостижимой. Супротив того, адресная направленность силового влияния (к примеру, насильственное переселение определенного этноса) выполняла добавочный курсор для фундирования и воспроизведения этнокультурной изолированности.

Ненасильственные меры, настроенные на культурное улучшение, оказались более приемлемы для населения и потому имели обоюдный положительный итог. Автохтонное население они выводили за рамки культурной периферийной узости, активно благоприятствуя его включению в орбиту общемировой истории. Государственной власти они гарантировали благонамеренность аборигенных этносов и релятивную стабильность в крае, закладывали фундамент для взаимодополняющей сольватации различных народов. В качестве способов, имевших положительный эффект, сошлемся на просветительскую политику в крае, которая по отношению к горцам в известной мере жидилась на замысле учреждения культуры, национальной по характеру и православной по своему складу. Тем самым преследовалась задача вхождения кавказцев в российское общество, её ввязывание в государственную политику, и в крайнем случае – ослабление их ментальности.

Изучение конкретных видов интерференции правительственной политики с целью формирования национального образования позволяет выделить две основные тенденции деятельности государственной власти, адресованной инородческой школе – эволюция структуры и преобразование предмета народного обучения. Эту деятельность упреждало разрешение главной проблемы – резервацию или ликвидацию особых черт в устройении школьного дела в одном из окраин империи. Другими словами, выбор полезного (для империи) способа развития школы у горцев [4. 87].

При исследовании государственной просветительской политики на Северном Кавказе мы пришли к выводам о том, что на всем протяжении истории характер образования напрямую зависит от конъюнктуры господствующего режима и от экономического уклада. Вполне очевидно, что образование является элементом надстройки и потому обуславливается экономическим базисом, характером его развития. Также и образование напрямую зависит от экономики и поэтому возникает весьма спорный вопрос об экономической колонизации империей Северокавказского края, которая проходила в два этапа. На первом уровне наблюдался самопроизвольный процесс освоения русскоязычного населения (казаков) территорий Северного Кавказа. Строя на новых землях военизированную мо-

дификацию русской верви (общины), казаки в общехозяйственном масштабе начинают контратипировать (дублировать) кавказских аборигенов, и по мнению проф. Я.Ахмадова, «делят с чеченцами и кабардинцами затерченные степи в хозяйственных целях», [2. 219].

Впрочем, подобные процессы шли и в противоположном направлении. Известны многочисленные примеры бегства горцев от своих феодалов к россиянам и взятие ими христианской веры. Но не только принимали кавказцы религию, они также перенимали у русских всякие полезные нововведения, обучались различным ремеслам. Один такой пример приводят ученые А.Касумов и Х.Касумов в книге «Геноцид адыгов»: «Свободные жители Кубани, ездили в Кабарду к богатым узденям на работу, строили им дома, мельницы, конюшни, разводили сады, делали мебель, посуду и разные полезные вещи; жители с любопытством смотрели на их работу и слушали их наставления и замечания, удивляясь уму и знаниям русских» [7. 36].

Как видим, на первичном уровне хозяйственные отношения русских и горцев были симметричными, зато на высшем (феодалном) уровне такое единение практически отсутствовало, так как властители предпочитали больше торговать с Турцией, Албанией, Саудовской Аравией, Сирией, откуда к ним поступали большей частью предметы роскоши, тогда как из России поступали товары повседневного спроса. К тому же в страны Ближнего Востока продавали рабов, захваченных в областях Северного Кавказа [11. Л. 1-2].

Все это приводило к постепенному вытеснению автохтонного населения с их земель и потворствовало развитию капиталистических отношений. В этом плане следует анализировать создание мохаджирского движения, повсеместное раздавание земель русским помещикам и казакам, осуществление административной и судебной реформы, а также приглашение иностранных спонсоров для осваивания природных залежей полезных ископаемых, что еще лучше усовершенствовало отношения между пришлыми и аборигенными народами. Эти действия привели к тому, что из отсталой экономически окраины Российской империи, Северокавказский край во второй половине XIX столетия превратился в крупный центр продвижения капитализма (игравшего в ту пору прогрессивную роль). И дело здесь не только в статистических цифрах, сколько в динамике его экономического развития. Как видим, происходит превращение страны из «слабо заселенной в начале пореформенного периода или заселенной горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов, пшеницы и табака» [6. 22-26].

Народонаселение Северокавказского региона за вторую половину XIX столетия увеличивается и количественно - в два раза (в основном, за счет русских мигрантов): в Ставрополье – 200 %, на Кубани – 384 %, в Осетии – 35 %, Дагестане – 14 %, Чечне – 8 % [9. Л. 43]. На этот факт обратил внимание В.И. Ленин, который в своей известной работе «Развитие капитализма в России» отметил, что «Северный Кавказ приближается к статусу одного из главных регионов прихода земледельческих наемных рабочих, где в качестве рынков рабочей силы выделялись Екатеринбург, Новороссийск, Владикавказ, ст. Тихорецкая» [8. 194].

Однако у такой капитализации была и обратная сторона, в которой не было места простым крестьянам, так как земли выделялись в основном зажиточным по-

мещикам, чиновникам, беям. В итоге, как отмечает исследователь О.Ануфриев, «целые аулы горцев жили на арендованных землях, уплачивая местным землевладельцам и казачьей верхушке громадную арендную плату... Многие крестьяне превращались в батраков или уходили искать заработки в город» [1. 33-38].

Заключение. Из всего сказанного можно заключить, что в дооктябрьский период освоение Российской империей Северокавказского края в экономическом аспекте являло собой сложный и зачастую несовместимый процесс: часть горских владетелей была выдворена с Кавказа во времена мохаджирства, часть общинных земель была передана во владение пришлому населению (русским), которые постарались выстраивать с горцами отношения на капиталистическом базисе. Однако это, как ни странно, имело в целом для края прогрессивное значение: прилегание северокавказских территорий к русским областям давало простой и эффективный способ интеграции региона в российское пространство. Однако экономическое освоение Северного Кавказа держалось за счет рабочей силы из русских мигрантов, блокирующей аккультурацию автохтонного населения, поскольку оно было не задействовано в качестве эксплуатируемой рабочей силы.

Выводы. Как видим, политика империи была подчинена целесообразности: русские на Кавказе занимали лучшие земли, что являлось решающим фактором в экономике края и предоставляло для русской и горской культур множество точек соприкосновения, имея на будущее идеи их сближения. Поэтому исторические цели горцев на аккультурацию с Россией оправдали себя. Горские народы под протекторатом Российской империи твердо и надежно вступили в стезю своего геостратегического, экономического и социокультурного преобразования.

Список литературы:

1. Ануфриев О. Экономическое положение Северного Кавказа в XIX в. СПб, 2002. 312 с.
2. Ахмадов Я. Терско-гребенское казачество (происхождение и расселение) // Чеченцы: история и современность. М., 1996. 218 с.
3. Блейх Н.О. Общественно-политические изменения и просвещение на Северном Кавказе во второй половине XVIII-начале XIX вв. // Вестник гуманитарного научного образования. 2014. № 6(44). С.03-06.
4. Блейх Н.О. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе. Монография. Владикавказ, 2009. 263 с.
5. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов-на-Дону, 2000. 523 с.
6. Ильин Е.В. Экономическое развитие Северного Кавказа // Кавказский вестник. 1998. № 7. С. 22-26.
7. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Генцид адыгов. Нальчик, 1992. 312 с.
8. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Избранные сочинения. В 10 т. М., 1985. Т. 2. 632 с.
9. НАСОИГСИ. (Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А). Ф. 17. Д. 2. Л. 43.
10. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 145-151.

11. ЦГАР (Центральный государственный исторический архив России). Ф. 733. Оп. 82. Д. 329. Л. 1-2.

Рецензия

на статью «Государственная политика Российской Империи по проектированию единого геополитического, экономического и социокультурного пространства на Северном Кавказе (XIX век)» Хачидогова Руслана Аслановича

Актуальность выбранной тематики сомнения не вызывает. История неотвратимо свидетельствует, что с присоединением к России Северный Кавказ уверенно шагнул в новый этап своего развития. Однако не так все было гладко во взаимоотношениях кавказцев и россиян. Инкорпорация Северного Кавказа к России воспринималась народами региона как результат политического союза, направленного против общих врагов, а не как акт их превращения в подданных российского царя. Поэтому ясны мотивы часто меняющейся внешнеполитической ориентации местных владетелей и старшин, для которых признание сюзеренитета России не означало прекращения своей государственной самобытности. Как только Россия прекращала считаться с этим, положение осложнялось, возникала конфликтная ситуация, натянутость в отношениях с горскими правителями, порой доходившая до разрыва. Однако в ходе совместных усилий по отражению агрессивных устремлений правителей Ирана, Турции и Крыма крепло боевое содружество, закладывались традиции взаимопомощи и поддержки, сохранившие свое значение и поныне. Поэтому представленный Р.Хачидоговым историко-этнографический материал, касающийся реконструкции общегосударственной политики России по созданию единого геополитического, экономического и социокультурного пространства на Северном Кавказе в XIX столетии, дополняет уже известные исторические факты, служит яркой иллюстрацией к исторической панораме культурного прогресса, произошедшего благодаря цивилизирующей миссии России, которая после присоединения региона вмешивалась буквально во все сферы его жизнедеятельности. Сегодня, когда ставится задача возрождения позитивного опыта управления территориями, изучение исторического прошлого в отдаленно взятом регионе нам представляется весьма значимой.

Автор на многочисленных примерах, почерпнутых им из архивных источников и документальных материалов, убедительно доказывает, что политика империи была подчинена определенной целесообразности: появление россиян в крае являлось решающим фактором в его экономике и предоставляло для русской и горской культур множество точек соприкосновения, имея на будущее задел для их сближения. Поэтому исторические цели горцев на аккультурацию с Россией оправдали себя. Горские народы под протекторатом Российской империи твердо и надежно вступили в стезю своего геостратегического, экономического и социокультурного преобразования.

Таким образом, актуальность и новизна заявленной темы очевидна. По системе «антиплагиат» работа получила высокий балл оригинальности. Из чего следует, что представленная статья Р.А.Хачидогова «Государственная политика Российской империи по проектированию единого геополитического, экономического и социального пространства на Северном Кавказе (XIX век)» соответствует всем требованиям, предъявляемым к ВАКовским изданиям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Пробелы в российском законодательстве».

Рецензент: доктор исторических наук, профессор кафедры психолого-педагогических и медицинских проблем факультета социальной работы ФГБОУ ВПО «СОГУ К.Хетагурова», г. Владикавказ, Блейх Надежда Оскаровна